

Мои конспекты живых лекций Лотмана*

Читатель и текст

Р. Г. Назиров

12 ноября Ю. М. Лотман.

Соотношение «текста» и «читателя». Образ читателя, отражённый в тексте, и образ текста, отражённый в читателе. Мы принимаем нашу норму культуры за вечную, всеобщую. Это упрощение. Мы не в праве приписывать наш способ восприятия текста др-м культурам. Это неизбежный первый мостик к тексту, но скоро он может стать препятствием.

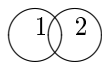
Начало XIX века. Отдалённая от нас эпоха: не хронологически, а культурно. Опасная иллюзия понимания. Нам кажется, что наши бытовые категории легко могут быть перенесены в ту эпоху.

Самый медл. культурн. процесс — язык. Самый быстрый — мода (1 раз в год).

Лермонтовск. психология творч-ва очень близка к фольклору. Лерм-в создавал не тексты, а варианты.

Лит-ра всегда имеет некий корпус текстов. Читатель — это нечто эфемерное, мы его не знаем. Не умеем найти методы изучения читательского восприятия.

Читатель и текст в каком-то смысле едины. Для общения нужно, чтобы оба элемента имели резерв культурной общности, общий язык.

Зона взаимопоним.

В тексте заложен его читатель. Кажд. текст содержит в себе «образ» своего читателя. Определ. текст имеет на себе адрес. Вернее, тут машина, в к-рую нас сажают и из к-рой мы выходим такими, какими должны быть.

Адресование текста есть предложение читателю сменить свою частную личность на публичную (патриота, гражданина, верноподданного). Каждый серьёзн. текст — это обучающая машина.

«ЕО». Отрывок «Женщины» в «Моск. вестн.», в оконч. текст не вошёл. Намёк на стихотв. Дельвига, впервые опублик. в 1923 г. В ту эпоху все писатели и читатели знали друг друга: анонимного читателя ещё не было. Была ситуация стенгазеты.

Дельвиг не любил печататься. Он считал, что печать унижает поэзию. Намёк Пушкина поняли 5–6 члк, из них кое-кто уже в крепости (лицеисты, декабристы). Понял Кюхельб. в крепости.

*АРГН оп. 1, д. 11, л. 140–151.

В. В. Селиванов. Очерки (редкий источник). Танцующая мебель 1834 г. и мн. др. — Левашова, родственница. . . Очень близка к Делькигам. В её сознании Д. — печальный мечтатель.

«Дельви́г пьяный на пиру» — это Д.-лицеист. Пушкин даёт в тексте целую гамму возможных читателей — от дальнего потомка до близкого друга. Текст указывает, какие общекультурн. пласты памяти нужно активизировать. Текст создаёт своего читателя, формирует его по своему образу и подобию. Но это не даёт тождества. Читатель $\neq$ Пушкин.

Читатель — это некая идеальная позиция, заданная конкретн. текстом или типом культуры, т. е. текстами разного объёма. Позиция получателя текста определ. образом <так у Назирова — Б. О.> зафиксирована как некая культурная роль.

Реальное лицо, получающее текст, только в определ. мере совпадает с этой ролью. Противоречие необходимо для коммуникации. В схему общения включается момент сопротивления. Получатель инф-ции всегда находится в противоречии с языком, на к-ром даётся информация.

Позиция даётся читателю как временная культурн. стилизация своей личности.

Противоречие между реальн. лицом и позицией читателя, между поз. чит. и текстом.

Текст — большое число разных параметров, границы к-рых только приблизит-но совпадают.

В нач. XIX в. было множ-во переходн. форм между фиксированным текстом и нетекстом. Написанный текст — лишь кусочек текста. Вне фиксации оставалось поэтич. творч-во своей личности.

Порошин и Павел Петрович, уроки географии. Впечатлит. мальчик вбегал внутрь гравюры. Текст был неким простр-вом, в к-рое погружаются в к-ром живут <абзац отмечен на полях восклицательным знаком — Б. О.>. — [Фольклор был образом жизни, со своим простр. и временем.]

Текст — сложн. организм, живущий конфликтной внутр. жизнью. Наблюдения Флоренского над иконой Рублёва. Композиция лица, совмещение несовместимого.

Герой должен удивить автора, должен совершать непоследоват. поступки, должен действовать так, чтобы это не вычитывалось однозначно из характеристик.

Гаспаров считал, что термин «риторика» не употребляется. Сейчас неориторика — боевая дисциплина, бурно развивается.

Текст — зафиксированное сообщение (материализованное любым способом) на каком-то языке. На одном языке. Но это сообщение в сфере культуры текстом ещё не является. Текст — это сообщение, к-рое передаётся двумя способами.

Идея асимметрии члчского мозга. Какая система может передавать информацию? Асимметричная! Идеально симметричн. система не даёт необходимого разнообразия. Опыты амер. и сов. хирургов (при лечении эпилпсии <так у Назирова — Б. О.> отключение одного из полушарий мозга): в члч. голове <так у Назирова> есть 2 мыслящих устройства, и они работают разн. способами. Физиологически разницы между полушариями нет: разница только культурно-семиотическая. Задан принцип деления. Дискретное сознание — словесное: оно преобразует

мир в систему слов. Континуальное сознание не знает чётких границ и членений. Однотипно организованная система не думает — думает агрегат, к-рый включает в себя различие.

Конфликтно-игровое отношение: уподобить адресата адресанту, но чтобы и не уподобить. При тождестве исчезнет смысл коммуникации.

Не будем считать новыми тексты, к-рые выводятся из предшествующих путём одно-значных преобразований. Чтобы получить новое сообщение, нужно взаимодействие двух непереводимых систем. Кажд. худ. текст включает как минимум 2 взаимонепереводимых подтекста (подраздела).

Само разграничение текста и автора, адресата и адресанта — это факты нашего описания. На самом деле это аспекты единого организма. Разграничение «автор — текст — читатель» предельно условно.

13.XI.

Речь идёт фактич-ки о нек-ром культурном простр-ве, в к-ром сущ-вуют функции «Текст, писатель, читатель»: в одних системах приобретают большую отдельность, в др-х сближаются.

Любая культурн. система — это не одна, а много систем; при их обозначении одним термином что-то вычёркивают, что-то преувеличивают.

Текст — организм: в разных связях ведут себя по-разному. Поэтому он имеет культурную ценность.

Рубеж между допетровск. Русью и петербургской эпохой условен. Но в интересующем нас аспекте он сущ-вует. Понятие «авторства» в соврем. нашем смысле не укладывается в систему культурн. представлений Средн. веков. Текст представлялся не созданным, а данным.

Материал (медь, пергамент) — сигнал текстовой функции. Социально-культурная авторитетность данного сообщения.

Паралингвистика (мимика). Её заменой в тексте является прилагаемая личность автора. Радищев приложил к книге свою личность вплоть до самоубийства.

В Ср. века члк не создавал текст, а получал текст. Бо'льшею частью находился в положении читателя. Текст мыслился как вечный и истинный.

Нормы индивидуальн. поведения — регулятор культурного континуума. Поведение было тоже предустановлено и потому редко описывалось (было всем известно). Фиксировались только аномалии.

Среднев. члк не был лишён возмоз-сти проявить себя. Но выявление личести <так у Назирова — Б. О.> было иными.

Регулярно фиксировался экссесс. Кроме члчской нормы, были норма ангельская и норма дьявольская. Члк мог присвоить себе ангельск. норму. Франциск Ассизский считал, что не следует гордиться ни добродетелями, ни чудом, но только страданием («Цветоч-

ки»). Или можно жить по дьявольск. норме (Дракула). Но не по средней. Присвоение себе некоей более высокой нормы.

Кроме того — выход из нейтральн. нормы с переходом в др-ю норму, или даже в состояние без нормы, в непредсказуемость, в нерегулируемость. Героизм — тоже аномалия (переключение в более высокую норму). А иногда члк выпадал из нормы в пустоту: поведение юродивого непредсказуемо, во Христе он юродствует или во дьяволе. Знающие знают (интуиция).

Вне нормы — колдун. Он совершает антипоступки, ведёт себя наоборот (вывернутая норма). Нечистые места — кузница и мельница. Там живут люди странного поведения. Оно же приписывалось страннику (иностранцы); они тоже селились за городской чертой.

И наконец плут, рiсаго, вор, обманщик, ловкач. В эпоху барокко завоевал прочн. место в лит-ре. В петровскую эпоху нормой стала позиция авантюриста (прежде плут и вне нормы).

«Фрол Скобеев». Глупые жертвы проходимцев нравственны; нравственность — тяжёлое бремя. С точки зр. Фрола или Аннушки любая святыня сущ-вует для её осмеяния. Свобода члка, оборвавшего все связи.

Пикареская философия (ф-ия аван-зма) никогда не приобретала характера культурно санкционированной нормы, но она не признаваемая теорией, регулировала практику. Практика 18 века создаёт житейскую философию успеха, с апологией энергии, личного таланта и т. д. Блестящая и безнравств. плеяда екатерининских вельмож (Потёмкин, Орловы, Безбородко).

Пикарескн. философия лишь одна и не главная сторона культуры. Авторитетные иные мех-змы в XVIII в. 1) Система героических норм: подражание героическим временам, античному эталону; Суворов¹ строил себя по Плутарху, а потом переводил на солдатскую психологию — разыгрывал колдуна (входя в любое помещ., требовал перевернуть все зеркала; у колдуна зеркал не бывает кроме волшебного), а при дворе — чудака. Система разнообразных сценариев, к-рые легко могут быть отнесены к разным жанрово-культурн. стереотипам.

Потёмкин советовал родствку — Раевскому (будущему генералу): избери героя и старайся догнать. В конце 18 в. людей очень занимала проблема V акта своей жизни: как я умру?²

Род, характер, цель и смысл смерти. Радищев давно сопоставил свою жизнь с трагедией Аддисона «Катон» и многократно декларировал монолог. Перед смертью должно быть историч. высказывание — апофеоз.

Но любой текст дискретен, а жизнь непрерывна. Отношения взаимн. критики: жизнь всё время критикует текст, а тексты недовольны жизнью. Они считают др. друга взаимно-переводимыми, а на деле нет.

Героизм. Стоический комплекс выбрасывал из жизни вопросы личного бытия. Тогда на противополож. полюсе начал выдвигаться роман.

¹На полях: «О Суворове: Ему уж золото носят!»

²Помета на полях: «Жизнь по поэтике трагедии»

Щегольская культура. Особенно в сатире отражено, поэтому мы привыкли считать издержками³ А эти обезьяны, кривляки, петиметры — очень важное прециозное движение. Культурн. элита, независимая по убежд., равнодушная к Версалю и ставившая чисто культурн. задачи.

Русск. роман начался с «Езды в остров любви», порождения прециозной лит-ры.

Карамзин — создать объект, к-рому будет потом подражать. Лит-ра должна строиться на фундаменте простого разговора, но этот фундамент нужно ещё создать.

Роман создаёт нормы негероич. поведения, внушает людям, а потом отражает нормы, к-рые он создал.

Читатель XVIII в. относится к роману не как к развлекат. чтению, а как к культурному сценарию. Отсюда страх перед романами. Мемуары Лабзиной. Роман — погибельное чтение. Любой текст сущ-вует только как материал для дешифровки.

Карамзин об истории графа Гляйхена (любовь втроём). Мы не чувствуем дерзости Карамзина. Могила Зиновьевой (вышла замуж за Григ. Орлова, своего кузена).

«О-в Борнгольм»: инцест Br.-Schuest.

Роман — нечто опасное и вместе с тем притягательное.

Конец 18 в.: агрессия слов в мир культуры. То, что не названо, как бы не сущ-вует. Карамзин создал, а не написал Русск. историю.

Слово приобретает творящую силу. Если писатель что-то написал, это стало сущ-вовать.

Люди думают лит. сюжетами.

³Сноска Назирова: Сатира началась со «Смешных жеманниц» Мольера, переведённых на рус. ещё при Петре.